

ТИПЫ РЕФЕРЕНЦИИ И ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДЕСКРИПЦИИ

Л.А. Иванова

Д

анная статья посвящена изучению типов референции и определенных дескрипций. Рассматриваются случаи употребления определенной и неопределенной референции. Представлены различные интерпретации термина «определенные дескрипции». Проводится разграничение между референтным и атрибутивным употреблением определенных дескрипций.

Глубокая проработка проблем референции позволила ученым определить возможные ее типы.

Так, в работе Е.В. Падучевой «Высказывание и его соотнесенность с действительностью» автор рассматривает денотативные статусы именных групп на материале русского языка. Под денотативным (референтным) статусом именной группы (ИГ) она понимает «тип ее соотнесения с внеязыковыми объектами» [1] или «тип референциального предназначения ИГ» [2]. При этом автор подчеркивает, что реальная соотнесенность ИГ с внеязыковым объектом возникает только в коммуникации, а денотативный статус характеризует ИГ в предложении.

Рассматривая примеры: 1. Врач пришел только к вечеру. 2. Надо найти какого-нибудь врача. 3. Врач должен внимательно послушать больного. 4. Иван – врач. 5. Завтра я пойду к врачу, Е.В. Падучева приходит к выводу о различении денотативных статусов в данных высказываниях. Так, в высказывании (1) «врач» обозначает индивидуализированный объект: один врач выделен из множества всех врачей, иначе говоря, слово «врач» имеет референт (определенная, референтная ИГ). В высказывании (2) не имеется в виду никакой индивидуализированный объект, т.е. ИГ «какого-нибудь врача» не имеет референта (нереферентная экзистенциальная ИГ). В (3) «врач» означает любой, всякий врач и соотносится со всем множеством врачей (универсальная ИГ). В (4) слово «врач» не соотносится с объектами, а указывает свойство Ивана: «врач» здесь предикат (предикатная ИГ). В (5) слово «врач» может толковаться двояко (либо как в (1), если далее следует «он работает в нашей больнице», либо как в (2), если такого рода контекст отсутствует).

Давая структурный анализ именной группы, Е.В. Падучева считает, что ИГ

состоит из общего имени и актуализатора (термин Ш. Балли) [3]. Соединение общего имени с актуализатором дает актуализованную ИГ, «т.е. такую, которая обладает денотативным статусом и предназначена для референции» [2]. Общее имя понимается либо как словарная единица («врач»), либо как синтаксически сложное образование («молодой человек», «молодой человек, который сидит за этим столом», и т.д.).

Актуализаторами считаются слова, которые превращают общее имя в актуализованную именную группу (из общего имени «молодой человек» можно, например, получить ИГ «этот молодой человек», «все молодые люди» и т.д., которые будут иметь какой-то определенный денотативный статус). К числу актуализаторов автор относит такие слова и словосочетания, как «этот», «тот», «такой», «всякий», «любой», «никакой», «оба», «много», «все», «кто-либо» и т.д. [2].

Понятие денотативного статуса в работе Е.В. Падучевой близко к тому, что у Н.Д. Арутюновой называется видом референции. Она выделяет следующие виды референции: 1) отнесение имени к признакам класса (Этот предмет-карандаш); 2) отнесение имени к любому члену класса (Дай мне карандаш); 3) отнесение имени к объекту, известному говорящему, но не знакомому адресату (Вчера я встретил одного приятеля); 4) отнесение имени к единичному, но не идентифицированному предмету (Вчера было совершено ограбление банка. Грабитель не пойман); 5) отнесение имени к идентифицированному объекту (Петя женился на Вере); 6) отнесение имени к целиком взятому классу объектов (Люди смертны) [4].

Таким образом, и для Е.В. Падучевой, и для Н.Д. Арутюновой различные типы денотативных (референтных) употреблений имен и именных словосочетаний – это различные типы их соотношения с внеязыковыми объектами. При этом

оказывается, что референция зависит от многих факторов разного порядка. У Н.Д. Арутюновой, например, отмечается зависимость референции, логической и синтаксической структуры предложения. В частности, она замечает, что «изменение характера референции может иметь своим следствием перестройку синтаксической структуры предложения» [4]. Так, например, в русском языке прослеживается общая тенденция, заключающаяся в том, что «нереферентные имена вытесняются из позиции «классического» подлежащего» [4]. В романских и германских языках зависимость структуры предложения от референции имени выражена в меньшей степени, поскольку в этих языках «процесс унификации структуры предложения по двусоставному образцу прошел более активно, чем в русском» языке. «Тип предметной отнесенности имени стал в них последовательно оформляться системой артиклей и местоименных показателей. Референция имени связана и с коммуникативной перспективой предложения, так что «логическая структура предложения, референция... имен и коммуникативная перспектива высказывания находятся между собой в постоянном взаимодействии, взаимообуславливают друг друга» [4].

Выделенные для русского языка виды референции (денотативные статусы) ИГ принципиально соотносимы с двумя типами референции, которые принято различать в англистике – определенную референцию и неопределенную референцию.

Степень определенности/неопределенности именной группы зависит от того, каким образом это выражение соотносится с классом возможных экстралингвистических объектов, обозначаемых данной языковой единицей. Оно может соотноситься с каким-то произвольным членом этого класса, с целым классом или с определенным, конкретным объектом класса.

Одним из маркеров различения определенной и неопределенной референции является артикль.

С другой стороны, следует отметить семантическую неоднородность в рамках как определенной, так и неопределенной референции. Так, С. Куно выделяет 4 основных типа неопределенной референции: 1) качественную; 2) конкретную; 3) неконкретную; 4) родовую.

Качественная неопределенная референция характеризует неопределенные именные

группы в функции предиката, например: He is a doctor. В этом случае ИГ описывает какое-либо свойство, указывает на качество объекта.

При конкретной неопределенной референции именная группа соотносится с определенным предметом или лицом, известным говорящему, например: I met a doctor. He was tall and good-looking. Если говорящий, употребляя ИГ, не имеет в виду конкретный предмет или лицо, то имеет место неконкретная референция: I want to marry a doctor. He must be tall and good-looking. При родовой референции ИГ отсылает к целому классу объектов: A beaver builds dams [5].

Схема, которую обычно представляют, говоря о неопределенной референции, включает асимметрию между знаниями говорящего и знаниями слушающего. Производя определенную референцию, говорящий предполагает, что слушающий знает или сможет узнать объект референции. Это условие отсутствует при неопределенной референции. Ж. Клейбер [6] рассматривает 4 ситуации, которые возможны при осуществлении определенной и неопределенной референции.

Ситуация 1. а) Говорящий предполагает, что между объектом x_1 , к которому он хочет произвести референцию, и слушающим существует каузальная связь, т.е. говорящий предполагает, что слушающий уже знает x_1 (т.е. обладает «идентифицирующим знанием» (термин П.Ф. Стросона) [7]. б) Говорящий хочет, чтобы слушающий идентифицировал x_1 . В данном случае речь может идти о реидентификации.

Это мнение широко распространено и среди других лингвистов. Так, К. Эберт утверждает, что, если говорящий предполагает знакомство слушающего с конкретным референтом, о котором он собирается говорить, он употребит определенную ИГ, которая позволит слушающему идентифицировать предмет речи. При предварительной идентификации референта данный акт референции можно считать реидентификацией [8].

П.Ф. Стросон отмечает, что определенный артикль употребляется в случае, если уже имела место предшествующая референция и определенный артикль сигнализирует о том, что производится та же референция [9].

Здесь важно отметить, что само референтное выражение должно подводить слушающего к узнаванию x_1 . В высказывании «The professor is dead» ИГ «the professor»

должна предоставить слушающему все необходимые указания для идентификации x_1 (очевидно, что такая именная группа, как «the professor» требует дополнительных знаний о референте. Если слушающий не идентифицировал x_1 , он вправе спросить: какой профессор? Естественно, что в таком случае говорящий должен предоставить сведения (например, употребив имя собственное), которые позволили бы слушающему идентифицировать предмет референции.

Ситуация 2. а) Говорящий предполагает, что между объектом x_1 , к которому он хочет произвести референцию, и слушающим существует каузальная связь. б) Говорящий не хочет по каким-то причинам, чтобы слушающий узнал, что речь идет о x_1 . Говорящий может произвести только неопределенную референцию. В случае неопределенной референции языковое выражение не позволяет, по мнению Ж. Клейбера (какими бы знаниями не обладал слушающий), идентифицировать объект. Предположим, что говорящий и слушающий знают тов. N. Говорящий может употребить фразу: «Один депутат вышел в отставку» вместо «тов. N вышел в отставку». В таких случаях обычно говорят о неполной или частичной информации. Говорящий предполагает, что неопределенная дескрипция всегда будет неполной, недостаточной для слушающего.

Ситуация 3. а) Предположения говорящего относительно знаний слушающего неопределенны, говорящий не знает точно, существует ли каузальная связь между слушающим и x_1 . б) Говорящий предполагает, что референтное выражение либо позволит слушающему идентифицировать объект (если он уже с ним знаком), либо узнать о данном предмете. В данном случае говорящий употребляет определенную референцию, как и в первой ситуации. Однако языковое референтное выражение должно обладать такими качествами, чтобы в процессе его произнесения слушающий поверил в существование и единственность референта, например: «пойди и принеси пакет, который я оставил в машине». (Ср. пример К. Эберт: «Журналист может написать: «Собрание, которое состоялось вчера вечером с участием членов профсоюзов и партии в клубе им. Макаренко, закончилось принятием резолюции, которую подписали все участники». При этом журналист предполагает, что читателям известно о собрании. Если читатель

не информирован о данном факте, то он может вывести всю необходимую информацию из придаточного предложения [8].

Ситуация 4. а) Говорящий предполагает, что между слушающим и x_1 не существует каузальной связи., б) Говорящий хочет установить такую связь между x_1 и слушающим, но не посредством самого референтного выражения, как в 3-й ситуации, а посредством всего высказывания. В данном случае будет производиться неопределенная референция. Так, произнеся «Un homme a escaladé le Mont Everest», говорящий вводит в предметную область слушающего такой референт, который идентифицировался бы одной ИГ «un homme» лишь частично. Иными словами, слушающий может идентифицировать референт (в каузальном смысле) только на основании информации, заключенной во всем высказывании. В конце акта неопределенной референции слушающий обладает каким-то знанием о референте, однако это знание ограничивается информацией, данной в высказывании.

Рассмотрев основные случаи употребления определенной и неопределенной референции, Ж. Клейбер делает вывод о том, что в 2-х случаях по окончании референциального акта слушающий узнает x_1 . Различие между этими двумя актами референции заключается в следующем: в случае определенной референции слушающий знает, что представляет собой x_1 , исходя из самого референтного выражения, в то время как в случае неопределенной референции референтное выражение всегда является недостаточным, неполным, и уточнение происходит за счет предиката, т.е. контекста всего высказывания [6].

Языковые выражения, которые употребляются для осуществления неопределенной референции, имеют общий вид $a + N$, в то время как языковые выражения, которые используются для осуществления определенной референции, могут включать разные разряды слов. Так, например, П.Ф. Стросон считает, что к осуществлению единичной определенной референции наиболее приспособлены: указательные местоимения в единственном числе (это, то, этот, тот), собственные имена (Венеция, Наполеон, Джон), личные местоимения единственного числа (он, она, я, ты, оно) и сочетания, состоящие из определенного артикля и существительного в единственном

числе с определением или без него (например, формы the so-and-so: the table «стол», the old man «старик», the King of France «король Франции» [9].

В науке о языке сочетания артикля и существительного принято называть дескрипциями. В англистике данная традиция ведется от Б. Рассела, который различал неопределенные и определенные дескрипции. Неопределенные дескрипции (по Б. Расселу) имеют форму «a so-and-so», а определенные дескрипции – «the so-and-so». Он считает, что определенные дескрипции отличаются от неопределенных «импликацией единичности» референта. В основе теории Б. Рассела лежит постулат о существовании реальных предметов референции, причем референтность дескрипции связывается с критерием истинности высказывания (ср. классический пример «Король Франции лыс») [10].

Проблема определенных дескрипций неоднократно обсуждалась в науке о языке. Термин «определенные дескрипции» подвергался различным интерпретациям и употреблениям, так как он соотносится с неоднородным понятием. Еще у Б. Рассела определенные дескрипции связаны с философским понятием денотативных (обозначающих) выражений с определенным артиклем, где одновременно сталкиваются два критерия: формальный (определенный артикль + языковое выражение) и логический (денотация) [11]. Поскольку определенный артикль указывает на единичность (единственность), то и сама денотация будет единичной (определенной), а определенные дескрипции, следовательно, являются именными группами с определенным артиклем, способным называть один вполне определенный предмет. Иногда при определении определенных дескрипций ограничиваются только формальным критерием (см., например, О. Дюкро и Т. Тодоров, которые под определенными дескрипциями понимают языковые выражения, содержащие имя (существительное, существительное+прилагательное, существительное + прилагательное предложение) и определенный артикль [12]. Однако логический (денотационный) критерий является необходимым, для того чтобы различать именные группы с определенным артиклем, которые соотносятся или не соотносятся с определенным референтом. Например, П.Ф. Стросон пишет о разных употреблениях сочетаний с определенным артиклем: «Без сомнения,

когда кто-нибудь говорит: «Кит – млекопитающее», он употребляет выражение «кит» совсем не так, как его употребил бы человек, который, описывая определенную ситуацию, сказал бы: «Кит столкнулся с кораблем». В первом предложении, очевидно, говорится не об определенном ките, а во втором – именно об одном определенном ките» [9].

Итак, определенные дескрипции «регулярно используются для референции к конкретному лицу, или единичному предмету, или отдельному событию, или месту, или процессу в ходе обычного высказывания о данном лице, предмете, месте, событии или процессе» [9].

Важным вопросом, связанным с проблемой определенных дескрипций, является вопрос о том, что позволяет определенным дескрипциям осуществлять референцию к определенному единичному объекту.

Ответ на этот вопрос можно, например, найти у Б. Рассела и П.Ф. Стросона, которые утверждают, что определенные дескрипции опираются на презумпцию существования и единичности объекта (референта), удовлетворяющего этой дескрипции [10, 7]. М.-Л. Риверо вместо термина «единичность» предлагает термин «сопричастность со множеством» («co-extensive with a set»), так как она считает, что определенный артикль указывает на то, что мы ссылаемся (are referring) на все множество объектов (totality), обладающих свойствами, обозначенными в определенной дескрипции [13].

Открытыми для дискуссий остаются такие вопросы, как истинностное значение предложений, содержащих безденотативную определенную дескрипцию, т.е. таких предложений, в которых «не удовлетворено требование существования предмета, обозначенного референтным выражением (типа Нынешний король Франции лыс)» [14]. Сторонники Б. Рассела оценивают это предложение как ложное. Последователи П.Ф. Стросона видят в нем особый тип предложений – предложений с «истинностным провалом» (truth-value gap) (термин У.О. Куайна), которое не является ни истинным, ни ложным, поскольку содержащееся в нем утверждение относится к несуществующему объекту. Б. Рассел, по мнению П.Ф. Стросона, смешал выражение и употребление выражения, т.е. значение и референцию, полагая, что значение выра-

жений и есть тот конкретный предмет, который они называют [9].

Однако некоторые философы языка полагают, что между этими двумя позициями нет непримиримого противоречия, поскольку анализируются два разных объекта: анализ Б. Рассела касается логической пропозиции, а анализ П.Ф. Стросона – логической структуры высказывания. С точки зрения логики, который переводит предложение «Нынешний король Франции лыс» с естественного языка на язык логики и устанавливает его эквивалентность с высказыванием «Ныне существует один и только один король Франции и он лыс», данное предложение является ложным, так как логике приходится здесь оперировать только двумя оценками – истина и ложь, но как факт естественного языка это предложение не является ложным [6].

Целый ряд ученых при исследовании определенных дескрипций разграничивают их референтное и атрибутивное употребление. Впервые подобное разграничение было проведено К.С. Доннеланом [15]. Так, К.С. Доннелан пишет о том, что говорящий, который использует определенную дескрипцию атрибутивно, утверждает нечто относительно того объекта или лица, который удовлетворяет данной дескрипции. Иными словами, при атрибутивном употреблении определенная дескрипция относится к неизвестному для говорящего объекту (или лицу), существование и единичность которого имплицитно сообщается событием. Можно говорить об авторе картины, не будучи в состоянии идентифицировать это лицо.

С другой стороны, как считает К.С. Доннелан, говорящий, который использует определенную дескрипцию референтно, использует ее для того, чтобы дать возможность слушателям выделить предмет или лицо, о котором идет речь, а потом сообщить нечто про этот предмет или лицо, т.е. референтное употребление определенной дескрипции соответствует ситуации эмпирического знания предмета [15].

При референтном употреблении определенная дескрипция служит средством для выделения объекта, при этом говорящий может пользоваться разными определенными дескрипциями, а также именем собственным. Выбор дескрипции зависит от тех сведений, которыми располагает адресат речи, от ситуации речи и т.д. В широко известном примере К.С. Доннелана «Убийца Смита –

сумасшедший» определенная дескрипция может быть заменена, например, именем преступника Джонс. При атрибутивном употреблении говорящий обычно не стоит перед выбором дескрипций, определенная дескрипция достаточно однозначно имплицитно сообщается предикатом сообщения о событии, иначе говоря, предикат связан с содержанием определенной дескрипции, с отраженными в ней свойствами объекта. Высказывание, приведенное выше, может иметь и атрибутивное прочтение, если личность преступника не была установлена и сам факт убийства или его обстоятельства приводят к выводу, что совершивший его человек – сумасшедший. Тут следует заметить, что чем меньше известно говорящему и его адресату об идентифицирующей личности, тем уже круг дескрипций, которые могут быть отнесены к ней, например, если известно, что было произведено ограбление банка, то не существует больших возможностей в выборе дескрипции для обозначения анонима (в данном случае он будет обозначаться как грабитель).

Приведенное выше описание дает повод некоторым лингвистам, в частности, Ф.Л. Петерсону, Н. Рохас, Дж. Лолеру, сделать вывод в том, что оппозиция референтное/атрибутивное употребление фактически сводится к оппозиции различения референта по степени известности (референт известен/референт неизвестен) [16, 17, 18]. Эти ученые считают, что мы имеем атрибутивное употребление, когда говорящий не знает о лице, которое отвечает дескрипции, и наоборот референтное употребление, если лицо, которое является таким-то и таким-то, известно или может быть идентифицировано говорящим. Дж. Лолер, например, связывает эти два употребления с фондом знаний, которым владеет говорящий о референте. Если говорящий располагает достаточно сложной сеткой информации, то можно предположить, что он идентифицировал данное лицо и речь может идти о референтном прочтении. В том случае, если сетка информации не достигает требуемого уровня сложности, то, по мнению ученого, мы имеем дело с атрибутивным прочтением, поскольку у говорящего не создается впечатления, что он идентифицировал лицо.

Другим лингвистам представляется нецелесообразным связывать степень информированности с референтным прочтением определенных дескрипций. При атрибутивном прочтении примера об убийце Смита подчер-

живается несущественность того факта, что говорящий не знает, кто в действительности убил Смита. Говорящий может употреблять определенную дескрипцию атрибутивно, зная лицо, которое отвечает дескрипции. Так, Дж. М. Белл подчеркивает, что говорящий может употреблять определенную дескрипцию атрибутивно и осуществлять при этом «определенную неидентифицирующую референцию» (*definite non-identifying reference*) в отличие от определенной идентифицирующей референции, или референтного употребления (*definite identifying reference*), зная лицо, которое отвечает данной дескрипции [19]. По мнению Дж.М. Белла, утверждая «лучший ученик класса получит приз», говорящий хотел бы осуществить референцию к тому, кто удовлетворяет дескрипции «лучший ученик класса». Предположим, что говорящий считает, что Том является этим учеником. И если оказывается, что на самом деле таким учеником является Билл, а не Том, то говорящий тем не менее сделал ссылку на лучшего ученика класса, т.е., по мнению Дж.М. Белла, на Билла. Этот факт является важным, поскольку нарушается параллель между известностью и референтным использованием определенной дескрипции и неизвестностью и атрибутивным употреблением определенной дескрипции. Зная или не зная, референт, который удовлетворяет определенной дескрипции, говорящий может употребить ее атрибутивно. Из этого следует, что если а) говорящему известен референт, то он может употребить определенную дескрипцию либо референтно, либо атрибутивно; если же б) говорящему референт неизвестен, то референтное употребление исключается, и он может использовать определенную референцию только атрибутивно. В первом случае мы имеем дело либо с определенной идентифицирующей референцией, либо с определенной неидентифицирующей референцией (ср. пример «лучший ученик класса получит приз»), а во втором случае речь идет об определенной неидентифицирующей референции. Дж.М. Белл считает, что для говорящего «знать» референт – это значит располагать сведениями, которые ему бы позволили идентифицировать тот референт, который он имеет в виду, независимо от того, удовлетворяет ли он употребляемой определенной дескрипции [19].

Ж. Клейбер при исследовании данного вопроса полагает, что понятие атрибутивного употребления одновременно не зависит (ср.

случай а) у Дж.М. Белла) и зависит (случай б) от оппозиции известность/неизвестность.

Однако он замечает, что разграничение референтного и атрибутивного употребления определенной дескрипции существенно для таких определенных дескрипций, которые являются логическими подлежащими, т.е. выступают в референтной позиции. По его мнению, в других позициях это разграничение нерелевантно.

Так, неуместно задаваться вопросом о референтном или атрибутивном статусе такой дескрипции, как «The capital of Great Britain» в «London is the capital of Great Britain», поскольку определенная дескрипция здесь занимает предикатную позицию. Но, как справедливо замечает Ж. Клейбер, референтное и атрибутивное употребление определенной дескрипции служит целям референции (соотнесенности) к определенному объекту [6].

Одна группа ученых [15, 20, 21] считает, что различие между референтными и атрибутивными определенными дескрипциями связано с прагматикой, т.е. с актами речи и говорящими, и не имеет отношения к синтаксису и семантике. Другими словами, референтное и атрибутивное употребление определенной дескрипции связано с интенцией говорящего в каждом отдельном случае.

Другая группа ученых связывает разное прочтение определенных дескрипций с семантическими или синтаксическими особенностями языка. В частности, М.-Л. Риверо на материале испанского языка показывает, что данная дихотомия сдвигается из прагматики в область грамматики. Иными словами, говорящий на испанском языке узнает о референтности определенной дескрипции не только благодаря знанию прагматических условий произнесения высказываний, но также и вследствие владения грамматикой языка. Таким образом, сама грамматическая форма позволяет различать референтную или атрибутивную определенную дескрипцию, например: *El que asesinó a Smith está loco* – референтное употребление; *El que asesinara a Smith está loco* – атрибутивная референция (два высказывания отличаются формой наклонения глагола) [13].

Следует отметить, что анализ фактического материала позволил сделать вывод о том, что для атрибутивных и референтных определенных дескрипций в английском языке характерно прагматическое, а не грамматическое различие.

В лингвистической литературе отмечается, что определенные дескрипции могут также подразделяться на следующие две группы: определенные дескрипции, допускающие единственно возможный объект *x*, и определенные дескрипции, которые допускают некоторое множество объектов, удовлетворяющих данной дескрипции в разное время. Такие дескрипции, как «автор Гамлета» или «убийство Смита» принадлежат к первой группе, в то время как дескрипции типа «директор школы» или «президент республики» относятся ко второй. Можно себе представить, что существует только одно лицо, которое является автором «Гамлета» и несколько лиц, которые в разные эпохи выполняли обязанности президента республики.

Различие между этими двумя видами дескрипций заключается в различии временных показателей или «возможных миров». В первом случае определенная дескрипция оказывается «закрепленной» во времени, иными словами, она не может служить для референции какого-либо лица или предмета в ином мире (термины «жесткая» (*anchored*) и «нежесткая» (*flottant*) определенные дескрипции принадлежат Е. Фейлзу) [22].

Дескрипции второго типа, наоборот, не зафиксированы во времени: в разных возможных мирах они могут служить для обозначения разных лиц, причем в определенных мирах может не существовать лица, который им бы соответствовал (ср. король Франции), что очевидно исключается с определенными дескрипциями первого типа.

Ж. Клейбер связывает употребление «жестких» и «нежестких» определенных дескрипций только с атрибутивной референцией. Автор различает «нежесткое» атрибутивное использование определенной дескрипции «*usage flottant*», при котором референция связана с самим понятием должности («президент республики является главнокомандующим армии») и «жесткое» атрибутивное применение определенной дескрипции «*usage non flottant*», при котором объект референции – лицо как таковое, занимающее должность («президент республики перегружен работой») [6]. Как отмечает автор, данное разграничение «жесткого»/«нежест-

кого» употребления относится только к дескрипциям, употребляемым атрибутивно, поскольку дескрипции, используемые референтно, всегда «жесткие».

Вероятно, это разграничение не будет приложимо ко всем определенным дескрипциям, в первую очередь оно касается тех дескрипций, которые обозначают конкретных лиц и которые могут быть заменены именем собственным, ведь речь идет о прагматических экстралингвистических знаниях, которые мы имеем об определенном референте дескрипции (ср. разную интерпретацию таких предложений, как «я всегда любил свою жену» и «я всегда любил своего отца»). В первом случае мы имеем «нежесткое» употребление, а во втором – «жесткое»; правда, можно вообразить себе общество, где запрещены повторные браки – в таком случае, первое предложение будет прочитываться «жестко»). По-видимому, в основе разграничения определенных дескрипций на «нежесткие» и «жесткие» лежат эмпирические знания.

Наряду с референтным и атрибутивным употреблением определенных дескрипций иногда выделяют еще и гипотетическую референцию. Референтность гипотетически употребленной дескрипции зависит от осуществления условий (если...). В этом случае говорят о способности предикатов создавать некоторую воображаемую «предметную область» приложения языка. Имя, введенное таким предикатом, может затем в тексте употребляться референтно [4].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что:

1. В составе именных групп различаются два основных типа референции – определенная и неопределенная.
2. Как определенная, так и неопределенная референция семантически неоднородны.
3. В рамках определенной референции выделяется идентифицирующая, атрибутивная и гипотетическая референция.
4. Языковые выражения, включающие артикль и именную группу и используемые для осуществления определенной референции, рассматриваются нами как определенные дескрипции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Падучева, Е. В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения / Е. Я. Падучева // НТИ. Сер.2. – 1979. – № 9. – С. 25–31.
2. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е. Я. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 271 с.

3. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
5. Куно, С. Некоторые свойства нереферентных именных групп / С. Куно // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. – № 13. – С. 292–339.
6. Kleiber, G. Problèmes de référence: Descriptions définies et noms propres / G. Kleiber. – Paris : Université de Metz, 1981. – 538 p.
7. Стросон, П. Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. – № 13. – С. 109–133.
8. Ebert, K. Functions of Relative Clauses in Reference / K. Ebert // Linguistische Berichte. – 1973. – № 23. – P. 1–11.
9. Стросон, П. Ф. О референции / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. – № 13. – С. 55–86.
10. Рассел, Б. Дескрипции / Б. Рассел // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. – № 13. – С. 41–54.
11. Russell, B. Logic and Knowledge / B. Russell. – London : Allen and Unwin, 1956. – 256 p.
12. Ducrot, O Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage / O. Ducrot, T. Todorov – Paris : Seuil, 1972. – 480 p.
13. Rivero, M.-L. Referential Properties of Spanish Noun Phrases / M.-L. Rivero // Language. – 1975. – Vol. 51, № 1. – P. 32–48.
14. Арутюнова, Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. – № 13. – С. 5–40.
15. Доннелан, К. С. Референция и определенные дескрипции / К. С. Доннелан // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. – № 13. – С. 134–160.
16. Peterson, Ph. L. An Abuse of Terminology: Donnellan's Distinction in Recent Grammar / Ph. L. Peterson // Foundations of Language. – 1976. – Vol. 14, № 2. – P. 239–242.
17. Rojas, N. Referentiality in Spanish Noun Phrases / N. Rojas // Language. – 1977 – Vol. 53 – P. 61–69.
18. Lawler, J. Quelques problèmes de référence / J. Lawler // Languages. – 1977. – Vol. 48 – P. 100–119.
19. Bell, G. M. Opacity and Identity / G. M. Bell // Analysis. – 1970. – Vol. 31, № 1. – P. 19–24.
20. Столнейкер, Р. С. Прагматика / Р. С. Столнейкер // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – № 16. – С. 419–438.
21. Partee, B. H. Opacity, Coreference and Pronouns / B. H. Partee // Semantics of Natural Language. – Dordrecht, 1972. – P. 415–441.
22. Fales, E. Definite Descriptions as Designators / E. Fales // Mind. – 1976. – Vol. 85, № 338. – P. 225–238.